

В. КАВЕРИН

ВДОХНОВЛЕННЫЙ ГОРЬКИМ

В ТЕСНОМ кружке молодых писателей, которые объединились в начале 20-х годов, назвав себя «Серапионовыми братьями», концентрация жизненного опыта была поразительной. В книге «Горький среди нас» Федин писал: «Восемь человек олицетворяли собою санитаря, наборщика, офицера, сапожника, солдата, актера, учителя, кавалериста, певца...». Но даже здесь Всеволод Иванов, по общему мнению, решительно выделялся необычностью своей биографии. Это он олицетворял собою факира и наборщика, а кроме того, в разное время был и подручным у лавочника, и грузчиком, и матросом. Прежде чем попасть в Петроград, он прошел через омское большевистское подполье, много странствовал по Сибири, Уралу, Казахстану.

Горький сразу же оценил его незаурядное литературное дарование. Указав на один из рассказов Иванова, Алексей Максимович заметил: «Я так не начинал».

Первым в нашей литературе Всеволод Иванов соединил опыт гражданской войны с основательным знанием сибирской деревни, поднимая до художественного обобщения огромный пласт народной жизни. При этом Иванов не был ни беспристрастным летописцем, ни дотошным бытописателем. Он не останавливался на полпути, а шел в глубь материала, к истокам человеческих характеров и отношений, высвобождая «тайное тайных» (как назвал впоследствии лучшую свою книгу). Свойственная писателю тяга ко всему необычному, редкостному, фантастическому существенно расширяла горизонты его самобытного творчества.

Разбуженная революцией, жизнь предстала перед ним как галерея неограниченных возможностей — о них он и стал писать, вдохновленный Горьким.

«Партизанские повести» утвердили Иванова в ряду основателей советской литературы. Его пьеса «Бронепоезд 14-69», продиктованная стремлением «показать революцию через душу человека» (Станиславский), имела блестящий сценический успех. Но признание лишькрепило писателя на пути самоотверженного творческого поиска.

Мы были очень близки, когда он только что приехал в Петроград из Сибири. Перебравшись в Москву, он радушно принимал меня у себя и однажды даже устроил чтение моей пьесы в кругу известных московских писателей. После войны и я переселился в Москву. Юность шла за нами по пятам.

Он был человек простой, не умеющий хитрить, но вместе с тем внутренне сложный. Искренность сопровождала решительно каждое его суждение. Я не помню, чтобы какие-нибудь обстоятельства заставили его назвать черное белым. Это был человек сильных и упрямых страстей, человек, ни к чему не относившийся равнодушно.

Жизненный опыт соединялся у Всеволода Иванова с глубокой книжной культурой. Достаточно сказать, что собранная им библиотека насчитывала около двенадцати тысяч томов. Здесь не только широко и разнообразно была представлена классическая и современная литература, но и с исчерпывающей полнотой — любимая им традиция: русская философская фантастика.

Не все из написанного Всеволодом Ивановым было понято и оценено при его жизни. Слишком круто менялся он от вещи к вещи, совершенствуя свое мастерство. Некоторые романы, повести, рассказы Иванова лишь в последнее время стали достоянием читателей. Это не легкое чтение. Писатель не для того отдал годы труда, чтобы читатель нашел в его книгах развлечение или забаву. Они связаны с судьбой страны, ее историей.

В лучших своих вещах Иванов был близок к философской прозе. Таков, например, его рассказ «Сизиф, сын Эола», отразивший, как мне кажется, непростую писательскую судьбу автора.

Мы еще недостаточно полно представляем себе влияние Иванова на нашу современную литературу. Я думаю, в частности, что проза, которую не очень удачно называют теперь «деревенской», в сущности, была основана Всеволодом Ивановым.

Неутомимым искателем нового, пылливо всматривавшимся в неведомую жизнь, в непостижимые ее взлеты и беспощадные провалы, он был и останется в нашей литературе.